

Вещевое довольствие русской пехоты в 1813-1815 гг.

Отечественная война всколыхнула все слои населения европейской территории России, чего не случалось уже двести лет, со времен Смуты и польского нашествия. Гигантские людские ресурсы были привлечены для пополнения вооруженных сил, постоянно таявших от болезней и боевых потерь. Сотни тысяч рекрутов и ополченцев обучались азам строевой науки, чтобы затем, усеяв безымянными могилами обочины дорог, заменить в полках выбывающих из строя солдат. С помощью учащенных и ужесточенных рекрутских наборов численность войск удавалось поддерживать на нужном уровне и даже наращивать, но тем острее вставала другая наиважнейшая проблема – вещевое снабжение огромной армии, разбросанной на обширной территории и постоянно ведущей боевые действия. Эта проблема осложнялась необходимостью хотя бы декларативного соблюдения единых образцов обмундирования и амуниции при отсутствии налаженной системы производства. Современному читателю может показаться странной та настойчивость, с которой власти добивались единообразия внешнего вида военнослужащих, но не стоит забывать, что это было время, когда принадлежность воинской команды к той или иной армии определялась, прежде всего, визуально, а единство оружия позволяло добиться согласованности и наибольшей эффективности действия подразделения на поле боя. С этой точки зрения сравнительно короткий отрезок времени с конца 1812 г. по 1816 г. можно выделить в особый период развития отечественной униформы, так как использование в войсках готовых вещей и материалов, произведенных в различных государствах, придало довольно стандартно до тех пор одетой армии весьма экзотический вид и заставило существенно снизить требования к соблюдению установленных регламентом правил. Мы постараемся рассмотреть лишь некоторые, наиболее характерные особенности вещевого довольствия пеших войск, основными источниками которого были поставки российских производителей, закупка материалов и готовых вещей в европейских странах, реквизиции и использование захваченных у неприятеля запасов.

Весь процесс снабжения армии обмундированием и амуницией базировался на поставках стратегически важных материалов – сукна и кожи. В мирное время отечественная промышленность справлялась с заготовкой сукна, но разгром многих фабрик во время войны 1812 года при одновременном увеличении объемов заказа заставили искать новые пути решения проблемы. Уже со времени пребывания армии в Тарутинском лагере с Высочайшего одобрения было решено «всех рекрутов, кои поступают теперь в полки, оставить в своем рекрутском одеянии по 1814 год» [Ф.103, оп.4/210, св.8, д.13]. Дело в том, что в рекрутских депо для новобранцев шили сходное с солдатским по виду, но серое по цвету обмундирование, которое затем заменяли при поступлении в полки. Отказ от изготовления новых комплектов экономил массу зеленого и белого сукна.

В феврале 1813 г. основное комиссариатское депо, занимающееся снабжением действующей армии, переместили из Нижнего Новгорода в Кенигсберг. Огромное количество сукна было реквизировано в Польше, расплачивающейся за активную военную поддержку Наполеона. В Пруссии, отношения с которой строились по иному сценарию, сукно, как правило, закупали. Русское темно-зеленое сукно разрешили заменять прусским черным; шинели можно было шить из синего (оставшегося в излишестве от уланских мундиров) и белого (панталонного) сукна. Кроме того, еще 20 октября 1812 г. с одобрения Императора были оговорены правила использования грубого крестьянского сукна вместо дорогого «фабрикантского»: крестьянское белое сукно разрешили пускать на

панталоны, крестьянское сукно различных оттенков серого цвета – на шинели и плащи [Ф.396, оп.4, д.21, л.6]. В дальнейшем крестьянское сукно использовалось очень широко: так, к 1814 г. отечественные производители были обязаны поставить 373 650 аршин крестьянского и только 144 000 аршин серого и белого с серым ворсом шинельного сукна [Ф.1, оп.1, т.2, д.2954, л.2].

18 февраля 1813 г. было приказано «начать постройку мундиров немедленно, производя оную сперва для армейских полков» [Ф.103, оп.1/208а, св.28, д.51, ч.1, л.21]. В действительности активная работа в Кенигсберге развернулась только с середины марта (при этом с 16 февраля по приказу М.И. Кутузова войска, пользуясь перерывом в боевых действиях, «занялись исправлением и починкой» обмундирования и амуниции, организовав особые швальни непосредственно при полках). Необходимо отметить, что в мирное время вся одежда «строилась» силами обученных шитью солдат, но в условиях боевых действий М.И.Кутузов особым предписанием распорядился начать «постройку или шитье мундиров» для пехоты при комиссариатском депо. Согласно составленной в Комиссариатском департаменте смете, для обновления обмундирования требовалась огромная сумма – свыше 3,5 млн. рублей [М.И. Кутузов. Сборник документов. Т.V. М. 1956. Стр.399]. В Кенигсберге к 20 июля 1813 г. было приготовлено значительное количество вещей; большинство армейских полков действующей армии получили по 514 комплектов шинелей, мундиров и панталон (с крагами или без) [Ф.1, оп.1, т.2, д.2956, л.361]. Все вещи разделялись по размерам на 3 роста; на мундирах и шинелях не прорезали петель, чтобы их можно было окончательно подогнать в полках. Из-за непонятного попустительства руководящего заготовлением вещей графа Сиверса все шинели были построены по кавалерийскому образцу [Ф.2714, оп.2, д.682, л.248].

Многих предметов обмундирования по-прежнему не доставало, но и к качеству приготовленных вещей, особенно шинелей, было высказано немало претензий. Уже 18 июня 1813 г. шеф Полтавского пехотного полка генерал-майор Ушаков доносил командованию, что «носить принятые полком шинели нельзя, так как они короткие и фризвые»; кроме того, шинели, очевидно, были зеленого или черного цвета – Ушаков предлагал употребить их на шитье мундиров взамен рекрутских серых [Ф.14057, оп.11/182а, св.2, д.1, л.414]. Шефы полков также весьма критично высказывались по поводу шинелей из байки: по их мнению, такие шинели не могли прослужить и года. 14 ноября 1813 г. последовало особое распоряжение, чтобы шинели «строились полной ширины и длины», при этом на стандартную шинель шло 4 аршина 2 вершка сукна. В предписании графу Сиверсу от 11 марта 1813 г. М.И. Кутузов распорядился «по чрезмерной дороговизне кожаных краг на пехотные панталоны делать сии краги из черного сукна, пришивая оные к панталонам точно таким образом, как обыкновенно кожаные пришиваются с разрезом для застежки пуговицами» [М.И. Кутузов. Сборник документов. Т.V. М. 1956. Стр.397]; вплоть до 1815 г. суконные краги использовались очень широко.

Централизованное снабжение готовыми вещами в дальнейшем стало не таким массовым: уже с октября 1813 г. во многие полки выдавали сукно на шитье шинелей, мундиров и панталон, причем нередко в один и тот же полк попадало сукно различных цветов.

С 29 июня 1815 г. для скорейшего «приведения обмундирования нижних чинов в приличный вид» перед смотром у г.Вертю приступили к реквизиционным сборам на территории занятых русскими войсками департаментов Франции. В «Инструкции о принятии и раздавании вещей, доставленных по реквизиции во Франции» оговаривались правила приема сукон: «Сукно принимать против проб темно-зеленое, по возможности темнее и под наш цвет, даже совсем черное, шинельное серое разных оттенков, крашенное или некрашенное, а если другого нет, белое без мела, синее и голубое., синее более в артиллерию и не-

строевым на шинели...». Мундирного сукна оказалось очень мало; во многих полках его пускали лишь на обмундирование унтер-офицеров

Чрезвычайная убыль людей в полках из-за морозов зимой 1812-1813 гг. заставляла командование уделять большее внимание заготовке теплой одежды. В октябре 1812 г. для армии было закуплено свыше 100 тысяч полушубков, а в октябре 1813 г. – свыше 95 тысяч овчинных шуб. Кроме того, поступающие в полки рекруты обязаны были сохранять собственные шубы и полушубки, приспособив их для ношения под шинелями.

Большую сложность представляло снабжение армии обувью. Не надеясь на подрядчиков, Военное ведомство в конце 1812 г. одобрило заготовку лаптей «с лычными оборами». Зимой 1812-1813 гг. в армию было роздано большое количество лаптей, а около 7 тысяч пар лаптей и онучное сукно хранились в Могилеве до сентября 1815 г., когда и были распроданы за ненадобностью [Ф.396, оп.4, д.63]. Между тем, положение с поставкой сапог в войсках постоянно ухудшалось. Для удовлетворения потребности войск в обуви только на 1814 г. потребовалось построить 1 200 000 пар сапог [Ф.1, оп.1, т.2, д.2954, л.2], но даже обеспеченные обувью люди вскоре оставались в буквальном смысле босыми, так как по отзывам всех очевидцев качество русских сапог не выдерживало никакой критики. Солдатам приходилось надевать любую попадавшуюся под руки обувь, в том числе французские башмаки и даже деревянные сабо. Башмаки закупались и централизованно, благо в Европе их производство было хорошо налажено.

Спешные заготовки сказались на качестве армейской амуниции, что особенно ярко проявилось в огромном разнообразии образцов солдатских ранцев: в одном и том же полку могли состоять черные кожаные ранцы и ранцы из телчьей шкуры, французские ранцы и холщовые мешки с плечевыми ремнями.

Захват многих неприятельских магазинов при недостатке снабжения, естественно, приводил к появлению в обиходе большого количества трофейного обмундирования.. Довольно часто использовались трофейные мундиры и шинели. В приказе по гарнизону города Данцига от 9 февраля 1814 г. отмечалось: «Несмотря на приказ, чтобы французские мундиры в полках переделать на наш образец,.. вчерашнего числа Брянского пехотного полка находившийся на ординарцах у начальника войск... был в французском мундире без всякой переправки и с французскими пуговицами». В приказе еще раз подтверждалось, что французские мундиры необходимо переделывать так, «чтобы никакого знаку французского мундира не оставалось»; при недостатке русских пуговиц разрешалось использовать обтяжные, но французские пуговицы «срезать непременно» [Ф.2732, оп.2, д.16, л.249]. Французские кивера направлялись в армию практически без переделки.

Не надеясь на мощности отечественных производителей, правительство размещало ряд заказов на изготовление вещей и материалов в союзной Англии, территория которой не была затронута боевыми действиями. Поставки английского сукна и амуниции, сделанных по русским «образцовым вещам», продолжались на протяжении всей заграничной кампании.

Некоторые предметы обмундирования поставлялись исключительно централизованно; прежде всего это касалось принятой в русской армии эмблематики – металлических украшений киверов, патронных сум и барабанных перевязей. Такая упорядоченность при постоянной загрузке мастерских нередко играла отрицательную роль – полки не могли получить положенные им украшения вплоть до завершения военных действий.

Все вышеуказанные трудности снабжения в гораздо меньшей степени затрагивали гвардию, удовлетворительный внешний вид которой поддерживался с особой тщательностью. Например, уже к началу марта 1813 г. в Россию из Англии было доставлено сукно высокого качества, что позволило заново пошить обмундирование для отборных войск.

Практически непреодолимые трудности возникли при обеспечении войск оружием. Пределы производственных мощностей оружейных заводов были достигнуты мгновенно, но оружия по-прежнему не хватало. В жертву было принесено производство холодного оружия для пехоты: количество тесаков в полках постоянно уменьшалось. По Высочайшему повелению от 4 июля 1815 г. тесаки в армии были оставлены лишь унтер-офицерам, гренадерам, стрелкам, карабинерам, фузилерам, музыкантам, барабанщикам и флейтщикам. Достаточно экономно распределяли по полкам и огнестрельное оружие. По положению от 3 августа 1814 г. в «сильном» батальоне должно было состоять 776 ружей (это положение подтверждало установленные уже в конце 1812 г. правила), при этом 24 унтер-офицера и 200 рядовых в батальоне оставались безоружными; по приказу от 2 июля 1815 г. количество ружей в батальоне возросло до 900 штук [Ф.103, оп.208а, св.32, д.46, л.241]. Пестрота используемых в полках образцов оружия приводила в уныние полковое начальство. Так, в полках 11-й дивизии в июле 1813 г. состояли ружья тринадцати образцов пяти европейских государств [Ф.103, оп.3/209б, д.120 (св.11, д.2), л.105]. В июне 1813 г. силами артиллерийских офицеров в полках была проведена калибровка ружей, давшая весьма неутешительные результаты. Офицер 11-й полевой артиллерийской бригады И.Т. Радужицкий, за 10 дней осмотрев 28 пехотных полков, в которых числилось до 30 тыс. ружей, отмечал: «Ружья находил я большею частью Тульские с 1806 по 1809 год, формою весьма сходные с Французскими «Льеж», и одинакового с ними 7-линейного калибра; в линейных... полках было множество старых, широкодульных, или 8-линейных, Тульских ружей, с 1797 по 1800 год, которые от больших расстрелов вовсе не годились к употреблению. В некоторых полках были Английские ружья с короною в штемпеле, Французские «Мобеж», Прусские «Потсдам», и даже Шведские. Из всех легчайшие и лучшей отделки были Французские с надписью «Льеж»; Английские ружья были тяжелы, калибром шире Французских, но в работе прочнее; Прусские и Шведские, как наши старотульские, были весьма неловки, тяжелы и негодны» [И.Т.Радужицкий. «Походные записки артиллериста, с 1812 по 1816 год». М. 1835. Ч.2. Стр.158]. Во время боевых действий довольно активно велась замена старых ружей на иностранные и новые русские: так, в 1814 г. в 24-й егерский полк выдали 1730 французских ружей; еще 150 таких же ружей было получено в 1815 г. [Ф.2714, оп.2, д.690].

Нестабильность обеспечения и снижение требований со стороны непосредственного начальства наложили отпечаток и на внешний вид офицеров. И хотя для них в ряде случаев также велся централизованный пошив обмундирования, но гораздо чаще использовалась практика «единовременной выдачи денег на обмундировку»; в этих условиях добиться единообразия офицерского обмундирования было практически невозможно. Среди офицерских вещей, изготавливаемых централизованно, преобладали дешевые шелковые и бронзовые предметы обмундирования; в то же время состоятельные офицеры всегда имели возможность заказать необходимые предметы экипировки в заграничных мастерских. Так, уже 20 марта в Париже «между прочими вещами продавались... русские эполеты, сабли, шитье на воротники и даже орденские знаки»; заказы на изготовление обмундирования выполнялись с «беспримечательной быстротой» [«Из записок покойного генерал-майора Н.П.Ковальского». // Русский вестник. Т.91. М. 1871.]. Единственным принципиально новым предметом обмундирования офицеров стали серые походные рейтузы с выпушкой и двумя лампасами на каждой стороне, введенные в Гвардии с 18 марта 1814 г., а в армии – с 20 мая. Рейтузы должны были заменить прежние походные панталоны с пуговицами по бокам, но, очевидно, в первое время лампасы нашивались прямо на панталоны. Так, офицер Лейб-Гвардии Семеновского полка И.М. Казаков отмечал, что 18 марта, перед вступлением в Париж, «... Государь... объявил, что он утвердил новую форму – рейтузы с нашитыми красными лампасами и что сам нынче явится в ней; почему и приказал, чтобы полк был в новой форме... Ночью всем

офицерам нашили лампасы» (интересно, что за алым сукном пришлось посылать в незанятый еще Париж) [И.М. Казаков. «Поход во Францию 1814 г.». // Русская старина. 1908 г. №3. Стр.537-538]. Офицерам парижского гарнизона в 1814 г. «позволили носить партикулярное платье: фраки и сюртуки», чтобы сократить возросшее число дуэлей между русскими и французскими офицерами.

В целом, состояние обмундирования и амуниции армии во время зарубежных кампаний претерпело ярко выраженные циклические колебания от очень плохого (первые полугодия 1813, 1814 и 1815 годов) до относительно благополучного (лето и начало осени каждого года). На общем фоне некоторые части умудрялись постоянно поддерживать очень неплохой, иногда даже щеголеватый внешний вид (этим отличался, к примеру, 1-й егерский полк), а другие с таким же постоянством одевались подобно толпе оборванцев; как ни странно, это практически не отражалось на боевых качествах полков.

Составить представление о пестроте мундиров некоторых пехотных подразделений помогают сохранившиеся архивные документы и свидетельства очевидцев. Например, из приказа по резервным батальонам 1-й гренадерской дивизии от 15 июня 1813 г. можно заключить, что в батальонах носили зеленые, черные и серые фуражные шапки, разнообразные погоны и черные манерочные ремни [Ф.14209, оп.1/163а, св.75, д.1, л.31]. Во 2-м батальоне Воронежского пехотного полка в начале 1814 г. состояли зеленые, черные и серые мундиры и фуражные шапки, белые и серые панталоны (как правило, без краг), кожаные ранцы с белыми замшевыми или черными кожаными ремнями, манерки с черными ремнями [Ф.2732, оп.2, д.16]. Полковник Я.О.Отрищенко, назначенный в 1814 г. командиром 14-го гренадерского егерского полка, застал полк в весьма плачевном состоянии: «...Мундиры и панталоны испещрены были разноцветными заплатами, между ними были и кожаные, да и самих мундиров нельзя было узнать, какого они были цвета, потому что вовсе потеряли цвет. Кивера были всех форм, какие только употреблялись в России и в неприятельских войсках. Шинели до того изношены, что вовсе к употреблению не годились; ранцовые ремни были даже и веревочные, а фляжек водоносных вовсе не было, их истребили солдаты, на биваках употребляя для варки в них для себя пищи. Сумы патронные были разных форм и величины, в ружьях была смесь: русских, английских, французских и прочих держав» [Я.О.Отрищенко. Записки генерала Отрищенко. // Русский вестник. 1877 г. Т.132. Стр.245-246]. После завершения боевых действий Отрищенко занялся приведением полка в надлежащий вид. Приказано было наточить болванок и перешить кивера, «приводя их в одинаковую форму». Мундиры приходилось распарывать, красить для единообразия в черный цвет и сшивать заново. Таким же образом поступил командир 13-го егерского полка С.И. Маевский: «...Я осмотрел полк [в конце 1814 г. – И.У.] и с ужасом увидел, что каждый мундир моего солдата сшит из 5-6 французских. Это было разноцветное маскарадное платье. Я, как говорят, ухитрился: накупил красок, набрал котлов, и окунули их в черную краску. К свету мы были уже во всем новом, принимая тут буквально одну только краску...» [С.И. Маевский. «Мой век, или история генерала Маевского». // Русская старина. 1873. №3. Стр.290]. Оправдывая поговорку «голь на выдумку хитра», солдаты самостоятельно находили способы улучшать свой внешний вид. Особенно ярко это проявилось перед вступлением в Париж в 1814 г. Участник похода вспоминал о подготовке к этому церемониалу: «Подле одного огня на ... высоте несколько гренадеров чистили амуницию: один спарывал холстинные нашивки с воротника, предохраненного таким образом от непогод, другой починял наскоро сапоги; третьего ротный цирюльник держал за нос, соскабливая двухнедельную бороду. Все были заняты по-своему.

- Экая беда! - говорил один, стоя на коленях перед развернутым ранцем и подымая к свету порыжевший мундир, - и ночью он похож на зарево!.. что ж будет завтра? как быть, молодцы?.. давайте совет.

- Другого нечего делать, как выкрасить, - сказал солдат, чистивший ружье.

- Да он ссядется, - перебил другой, который, несмотря на весенний холод, засучив рукава рубашки и поливая изо рта на белую перевязь, натирал ее мякотью голой руки, чтоб навести лоск на меловое беленье.

- Да он и не высохнет до утра, - промолвил сквозь нос страдавший под бритвою.

- А чтоб он высох и не сселся, - перехватил барабанщик, перетягивавший струны своего громогласного инструмента, - надо выкрасить его на тебе. Мы всегда так моем и белим шкуру на барабане.

Солдаты захохотали, но не менее того надели мундир на хозяина, составили какую-то краску из бывших под рукою материалов, намочили ею щетки и начали натирать бедняка, который терпеливо стоял с распростертыми руками...» [Н.А.Бестужев. Русский в Париже 1814 года. (Главы из повести)// Жилище славных муз. М. 1989, стр.216, 217].

Результаты подобных хлопот превзошли все ожидания. Все очевидцы указывали на сильнейшее впечатление, которое русские войска произвели на французов. «Наши тесные мундиры, наши шляпы и султаны, обыкновение наше крепко подпоясываться шарфом, порядок и единообразие одежды нашей, все это приводит [жителей – И.У.] в удивление», - писал И.И.Лажечников [Походные записки русского офицера, изданные И.Лажечниковым. М. 1836. Стр.201-202]. «Чистота оружия, амуниции, одежды и порядок в рядах поражали всех до безумия,» - вторил ему А. Краснокутский. [Взгляд русского офицера на Париж, во время вступления государя императора и союзных войск в 1814 году, изданный А.Краснокутским, сочинителем ежедневных записок поездки своей в Константинополь. СПб. 1819. Стр.3]. Правда, нужно отметить, что хорошо выглядели только Гвардия и гренадерские дивизии, которые всю ночь перед вступлением в город провели за починкой амуниции и одежды. Большинство других полков, имевших менее презентабельный вид, остались у застав; при этом, например, в 7-м Егерском полку удалось отобрать для караулов лишь 100 человек, «получше одетых» и имеющих подошвы у сапог (но и им пришлось надеть «для единообразия» летние панталоны) [«Выдержки из военных записок и воспоминаний служивого прошлых лет» // «Атеней». 1859. Ч.1.]. По воспоминанию одного из офицеров, увидев «нашу самую негодную одежду на солдатах и при том большая половина босых, разных цветов крестьянского сукна мундиры и ранцы» «народ французский» в Версале с удивлением говорил: «И эти нас побил!» [Карпов. «Записки полковника Карпова. 1807-1837»//Труды Витебской ученой архивной комиссии. Кн.1. Витебск. 1910.].

Пестрота обмундирования военного времени и участие в войне множества государств обусловили необходимость использования общих для всех союзных войск знаков отличия: этими знаками стали зеленые ветви, носимые на касках слева, а на киверах – в гнездах для султанов (в русской армии появились 21 января 1814 г.), и белые повязки на левом рукаве выше локтя (появились 24 января и были отменены 1 апреля 1814 г.) [Ф.2575, оп.1, т.1, д.27, лл.20, 31]. 18 апреля к бантам (кокардам) на офицерских и генеральских шляпах была добавлена белая кайма по краю.

«Героическими» усилиями начальников различных уровней внешний вид армии был доведен до вполне приемлемого и после похода 1815 г. В августе один из офицеров писал из г.Нанси: «Наша армия в таком теперь виде, в каком никогда не бывала: полки комплектные, одеты чудесно, все в тонких мундирах; люди разделись так, что у многих мундиры не сходятся...» [«Отечественная война и русское общество». Т. VI. стр.140. М. 1912.]. Именно эта «чудесно одетая» армия была запечатлена на рисунках и акварелях немецкого художника

Кляйна; действительно, одежда и обувь у изображенных солдат довольно единообразные, чего нельзя сказать об амуниции.

В 1816 г., наконец, появилась возможность обратить пристальное внимание на обмундирование армии. 31 января было объявлено, что «Высочайшая Государя Императора воля есть, чтоб во всей армии мундирное темно-зеленое сукно было в цвете одинаковое»; для покраски сукна требовалось использовать только иностранные краски – «индиго и сандал синий» [Ф.396, оп.1, д.101, л.1]. Начиналась новая эпоха развития русской армии – эпоха жесточайшей стандартизации и неукоснительного соблюдения мельчайших требований регламента.